

РОМАН СЕНЧИН

КОМПЛЕКС СТАНДАРТОВ

РАССКАЗ

В кармане оставалось сто пятьдесят рублей. В конверте из-под приглашения на премию “Русский Букер”, хранящемся в тумбочке под телевизором, — семейном бюджете — последняя тысяча. Имелась у меня, правда, заначка, три тысячи, но что это? Шик, пару раз в магазин сходить... А до зарплаты больше недели, до ближайшего гонорарца — почти месяц.

Катило, катило несколько лет, и вот новая чёрная полоса. И она тем более черна, что за эти несколько лет привыкли жить, не экономя на всём, не ужимаясь. Нормально жили, на море летом ездили, в Париже побывали. Расслабились, расплылись, а теперь приходится ужиматься. Не с хлеба, конечно, на воду, но без изысков. Клубника на столе зимой по первому желанию не появляется.

А так казалось всё надёжно и крепко. Однажды написал беспросветную повесть о семье, которая вынужденно переезжает из города в деревню и там гибнет... Такая фабула у меня была и в двух-трех предыдущих вещах, но эта повесть, опубликованная не в самом заметном журнале, вдруг вызвала у московских интеллигентов бурную реакцию, появились рецензии, статьи, возникли дискуссии, выдвижения на премии... Одно из крупнейших издательств заключило со мной договор, издало повесть книгой. Аккуратная такая книга получилась — не тонкая и не толстая — триста с небольшим страниц крупным шрифтом.

Первый тираж, три тысячи экземпляров, разошёлся довольно быстро. Выпустили второй. Заключили договоры ещё на несколько книг. Издали од-

СЕНЧИН Роман Валерьевич родился в 1971 году в городе Кызыл Тувинской АССР. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Первые публикации в Москве — в журнале “Наш современник”. Автор романов “Минус”, “Нубук”, “Ёлтышевы”, “Информация”, сборников рассказов “Иджим”, “День без числа”, “Абсолютное соло” и др. Живёт в Москве.

ну за другой... Редактор, которая в издательстве меня вела, — есть даже такая должность “ведущий редактор” — однажды твёрдо сказала: “Я буду издавать всё, что вы напишете”.

Новое писалось, правда, туго — ежегодно выдавать новинку не получалось. Но чтобы читатель меня не забывал, выпускали переиздания, меняли местами рассказы в сборниках; я доработал кое-что, лежавшее в архиве, растянул один куцый текст до объёма, пригодного для отдельной книги...

Конечно, было тревожно. Тревожно всегда — в любой момент у любого пишущего может оборваться та ниточка, на которой висит самое главное — способность писать, — и всё! Как говорили раньше: “Муза меня не посещает”. Можно сидеть сутками за столом и понимать — пустота. Но тут тревога была конкретная — книги продавались вяло, критики писали, что планку той своей повести я не преодолел... Хреновато, когда у писателя есть визитная карточка. Тем более если она уже потасканная, несвежая. Бывает, автора и в восемьдесят лет воспринимают по книге, которую он написал лет в двадцать пять. А следующие сорок — довесок к той давней...

Крайняя (“последняя” говорить не принято) книга вышла тиражом полторы тысячи экземпляров, а потом ведущий редактор прислала мне “на мыло” такое письмо: “В дальнейшем предлагаю работать не по факту сдачи текстов (что вы написали, то мы и издаём), а при консультировании на стадии создания. Для успеха важно, чтобы вы советовались со мной в процессе работы. Да, это в какой-то мере ограничение вашего вдохновения и метода, но иначе я не вижу никакой перспективы. В первую очередь, нас интересует роман”.

Я в порыве возмущения ответил резкостью, в том смысле, что не понимаю формулировки “консультирование на стадии создания”, напомнил, что процесс написания произведения — это интимный, сакральный процесс, и тому подобное. Ответа не получил.

Эта переписка случилась с полгода назад. Роман, как назло, не писался, писались рассказы и повестушки объёмом не больше двух авторских листов, а под роман подходит текст листов минимум на восемь... А главное, я не знал, о чём писать. То есть наметок было достаточно — жизнь каждый день даёт пищу для размышлений, — но наметки — это одно, а сюжет хоть какой-нибудь — другое... Да и не в сюжете дело.

Много лет я писал о том, что критики характеризуют как “свинцовые мерзости жизни”, главные герои большинства вещей напоминали меня самого. Но теперь, после периода относительного благополучия, нескольких премий, одна из которых оказалась достаточно денежной, входить в прежнюю реку было как-то стыдно, что ли. Вот, скажут, как сыр в масле катается, а пишет про жизнь впроголодь и прочий мрак. Лицемер!.. И главное, я сам себе говорил подобное, как только задумывался о новой большой вещи, где, естественно, должны были фигурировать *униженные и оскорблённые*. И вспоминалось где-то вычитанное: после премьеры “На дне”, двух часов созерцания людских страданий Максим Горький говорит друзьям и читателям: “А теперь едем жрать к Тестову! Белугу размером с лошадь!”

Можно было попробовать написать большую вещь не про униженных, но я боялся. Одно дело рассказ, а другое — триста страниц связанного текста... Где найти хоть какой-то конфликт? Где набрать деталей?

В сорок с хвостом лет я понял, что, по существу, ничего про реальную сегодняшнюю жизнь не знаю. Пока, попав в струю, занимался несколько лет выпуском своих прежних вещей, потребности обращать внимания на происходящее вокруг не возникало. И теперь, оказавшись со ста пятьюдесятью рублями в кармане, с очень невесёлой перспективой на ближайшие недели, я лишь растерянно озирался вокруг, пытаюсь понять, как быть и что делать.

Это, конечно, будет воспринято, как литературный приём из разряда беспомощных... Что ж, воспринимайте, но так и случилось: в момент моих грустных раздумий о том, что пора бы начать поиск некоей денежной работы, пришлось письмо... Раздумия были грустные от того, что над ними нависал чёрный жирный вопрос: куда возьмут сорокалетнего человека с дипломом, где в графе “специальность” указано — “литературное творчество”,

и с трудовой книжкой, в которой записано, что я работаю почти пятнадцать лет в специфическом еженедельнике, где изучаются проблемы современной литературы; а интересуется этими проблемами куда меньше людей, чем, скажем, проблемами транзита сжиженного газа?.. Английского языка я не знаю, креативностью не отличаюсь, в экономике, политике, автомобилях, дизайне не разбираюсь...

И тут “на мыло” капнуло послание.

Поначалу я решил, что это спам и чуть не отправил его в корзину, но вчитался, и чёрный жирный вопрос в мозгу стал бледнеть. Послание было следующее:

“Уважаемый Роман Валерьевич,

настоящим письмом мы хотим засвидетельствовать Вам своё почтение и просим рассмотреть предложение о возмездном сотрудничестве в рамках входящего в состав нашей компании центра просвещения, который в настоящее время ведёт работу по созданию всеобъединяющих гуманитарных стандартов.

Мы выбрали Вас как одного из наиболее авторитетных представителей интеллектуального сообщества, человека, который искренне переживает за изменение окружающего нас мира к лучшему. И полагаем, что Вам будет интересно принять участие в работе коллектива, который в настоящее время ведёт работу в данном направлении.

В рамках данного предложения мы хотели бы просить Вас принять приглашение на встречу с главой нашего общества, которая пройдёт по предварительной договоренности с Вами.

Подробнее о нашей деятельности Вы можете узнать из презентации, приложенной к данному письму”.

Дальше — контактные телефоны, адрес... Москва-Сити, башня “Москва”...

Меня, конечно, зацепило слово “возмездное”... Если “безвозмездно” — это бесплатно, то значит “возмездно” — за деньги... Неплохо.

Сходил к мусоропроводу, покурил, а потом стал изучать “презентацию”.

Несколько отсканированных страниц какой-то брошюры напомнили сектантский журнал вроде “Сторожевой Башни” — тоже улыбающиеся лица благообразных людей, некие схемы, стрелочки, следование которым дарует благодать... Вчитываться я не стал, выхватил взглядом несколько фраз. “Необходимые условия успешного развития”, “комплекс личностных и деловых стандартов”, “улучшение человека”, “единая платформа универсальных подходов и методов”, “понятные регуляторы”, “преодоление разного понимания объединяющих ценностей”...

В общем, некая компания, как я понял, хочет создать некий кодекс жизни людей — личной и общественной, — набор правил. Что ж, можно поучаствовать, тем более если это оплачивается... Глянув в интернет, узнал, что глава компании, Игорь Алексеевич Беляев, входит в список русского “Форбс”. Не должен скупиться. И я написал ответ: “Готов к встрече”.

Через несколько минут пришло сообщение, что она состоится через три дня там-то и тогда-то. Пропуск будет заказан...

За эти три дня конвертик с бюджетом опустел окончательно, заначка сократилась до тысячи. В карманах у меня была горстка мелочи, пачка сигарет и проездной на метро с десятком поездок... Жена впервые за долгое время спросила: “А как у нас с деньгами?” И я бодро ответил: “На подходе”. Но призрак хлеба и воды становился всё более ощутимым. Бродил где-то поблизости, постукивая сухими костями.

Думать я ни о чем не мог, писать — тем более. На работе тупо сидел за столом, делая вид, что вычитываю вёрстки; в соседнем кабинете директор с главным редактором пытались найти возможность погашения долга за аренду помещения... То и дело я открывал хранящуюся в моём мобильнике эсмэску. “Роман Валерьевич, вас ждет кредит 400 000 рублей под 17% годовых. Ждём вас! Не забудьте паспорт”. И так тянуло поехать в банк и взять эти четыреста тысяч... Дома я поскорее ложился в кровать, отворачивался к стене, и когда жена удивленно спрашивала: “Ты уже спишь?”, — я сонно мычал...

Выехал на встречу за полтора часа до назначенного времени... В Москва-Сити я до этого не бывал — торчащее скопище небоскрёбов пугало, а не притягивало... Вообще, признаюсь, я побаиваюсь Москвы, особенно новых для себя мест; кажется, свернёшь с привычного маршрута, перейдёшь не на свою ветку метро, и что-нибудь случится страшное. А то и вовсе исчезнешь.

Несколько раз у меня случались приступы паники, когда я терялся в лабиринте выходов на станции “Китай-город”, плутал в паутине переулков между Маросейкой и Соляной, метался в полутьме пустой и тихой “Арбатской” Филёвской линии...

Сегодня геморрой начался ещё в метро. И опять на Филёвской. Мне с этой линией особенно не везёт — какая-то она непостоянная, неустойчивая, как русло реки в пустыне. К тому же у неё появился отросток.

Без осложнений я добрался до “Киевской”-кольцевой, перешёл на “Киевскую” Филевской линии. Увидел стоящий поезд и прыгнул в него. Поехали.

— “Студенческая”, — объявил из динамиков автоматический голос; я не обратил на это внимания, обдумывая своё поведение на встрече: нужно было сразу показать, что я не лох какой-нибудь.

— “Кутузовская”, — ещё через некоторое время сообщил голос, и я забеспокоился.

— А когда “Выставочная”? — спросил соседей.

— Хо-о! — развеселился неинтеллигентный мужчина справа от меня. — Эт ты промахнул. Выгребайся и обратно ехай. На “Киевской” узнаешь.

Я выскочил, сел в обратный поезд. Там уж тщательно изучил путь до нужной мне станции.

Не то чтобы я не знал о переменах на Филёвской линии. Нет, слышал, конечно, радовался открытию новых станций, но не вникал — не надо было. Когда-то давно, правда, ездил на “Пионерскую” к приятелю-поэту, но потом он женился, стал колумнистом с неблизкими мне взглядами, и с тех пор в этом направлении у меня не возникало потребности. А теперь попал...

Поезда по тому отростку, на котором находилась нужная мне “Выставочная”, ходили редко — раз в десять минут, — и я стал понимать, что опаздываю. А пока искал направление к башне “Москва”, кружа по огромному торговому центру, опаздание стало необратимым. Успокаивал себя мыслью, что в Москве почти все опаздывают, пятнадцать минут и опозданием не считается. В крайнем случае, можно сказать “пробки” и, быть может, получить сочувствующий кивок. Они-то не знают, что у меня нет машины...

Почти бежал по бесконечному торговому центру, мимо витрин с одеждой, инмарок, обвязанных подарочными лентами, фонтанов, банкоматов... Ко мне подстроился юноша в клетчатой рубашке и заговорил доверительно:

— Вы знакомы с нашей системой скидок и бонусов?

— А в какой стороне башня “Москва”? — перебил я его вопросом.

Юноша, словно подбитый истребитель, отвалился от меня, ушёл куда-то вправо... Оглядываться на него я не стал.

Оказался, в конце концов, перед нужным небоскрёбом. На мгновение приостановился, задрал голову — башня представляла собой несколько небрежно поставленных друг на друга кубов... Дочки так года в два строили. Кубики у них неизбежно падали. Конечно, тут всё серьезно, небрежность нарочитая, дизайн такой, но всё-таки... Как в таких кубиках чем-то серьёзным заниматься?.. Стало мутно.

Вообще опасаясь я высоты. Точнее, сознания бессилия. Вот начнёт этот небоскрёб рушиться, а я на каком-нибудь этаже. И что?.. На земле надёжней...

Но вбежал внутрь, нашёл *ресэпши*, сунул девушке паспорт, назвал, куда мне надо. Она, как мне показалось, очень долго копалась в компьютере, слишком медленно что-то там набирала. А минуты капали... Доберусь сейчас, а мне: всё-всё, поздно, Игорь Алексеевич занят другими вопросами...

— Лифты правого крыла, пожалуйста. — Девушка мягко положила на стойку паспорт и карту-пропуск.

С лифтами опять чуть не вляпался. Увидел стекающую в раскрытые стальные створки стойку, и уже хотел было шмыгнуть следом, но тут заметил, что один мужчина не входит, а тыкает пальцем в экранчик в стене.

— А как тут нужно, чтобы поехать? — спросил я.

— Наберите этаж на дисплее, — без раздражения ответил он, — высветится номер лифта. — И, глянув на меня, зловеще пошутил: — Иначе можно умчаться в бездну.

Может, кстати, и не пошутил.

В офис я вошёл в час двадцать... На двадцать минут опоздал... Это серьёзно...

— Здравствуйте, — обратился к стоящему у дверей огромного роста парню в тёмно-сером с поблескивающими нитями костюме, — а как мне Игоря Алексеевича?..

— Вы Роман Валерьевич? — девичий тонкий голосок сбоку.

— Да.

Я обернулся и увидел миниатюрную симпатичную девушку. Она улыбалась приветливо, и я попытался улыбнуться.

— Очень приятно, — сказала она. — Проходите в переговорную, Игорь Алексеевич скоро подойдёт. Подождёте немножко?

— Конечно.

Я направился куда она указала. Девушка — следом.

— Чай, кофе? — спросила.

— Нет, спасибо, пока не надо.

— Присаживайтесь.

Комната с овальным столом. Стулья. Больше никакой мебели, если не считать мебелью кондиционер... На столе — стопка толстых книг, стационарный телефон... Меня привлекло окно — во всю стену, от потолка до самого пола. Вот так вот — пол, потом стекло, а дальше сразу же пустота. Никакого даже бортика... В американских фильмах разорившиеся бизнесмены разбегаются и вылетают из таких окон. Или успешных выбрасывают конкуренты...

За окном была широкая панорама Москвы. Всего-то пятидесятый этаж, а кажется, что летишь... Панорама, правда, не очень живописная.

Я осторожно посмотрел вниз. Там, почти под стеной башни, несколько рабочих долбили бетон какой-то неудачной пристройки отбойными молотками, экскаватор черпал обломки ковшом и грузил в кузов грузовика... Всё это происходило бесшумно — видимо, стекло было звукопроницаемым... Я отступил от окна и тут же услышал быстрое:

— Здравствуйте!

В комнату вошёл парень в тёмно-красном спортивном костюме, лет двадцати пяти на вид. Я подумал, что это технический работник здания — проводку проверить, ещё что, — и ответил небрежно:

— Здравсте...

Но парень по-хозяйски шлёпнулся на стул, кивком пригласил садиться напротив.

Я кашлянул, сел.

— Вы ознакомились с нашим проектом?

— М-да... в общих чертах...

Парень в спортивке — теперь я понял, что это и есть Игорь Алексеевич, входящий в список “Форбса”, — пристально на меня посмотрел. Один глаз смотрел прямо, а другой чуть — чуть-чуть — сторону. Мне стало не по себе.

— Жаль, что не ознакомились, — сказал Игорь Алексеевич.

— Да нет, презентацию прочитал, внимательно прочитал, — стал убеждать я, и слышал, что говорю не убедительно, — но лучше вот так, в личном общении.

Бизнесмен помолчал несколько секунд. Потом как-то с усилием начал:

— Примитивно говоря, мы пришли к необходимости создания универсальной системы, комплекса стандартов, которые могли бы помочь создавать не только успешные компании, но и изменили бы в целом взаимоотношение между людьми... Я, кстати, много раз говорил об этом в интервью, писал в статьях. Не встречали?

— Ну... — Это проклятое “ну” очень часто высказывает первым из множества более приличных слов, какими можно начать ответ. — Встречал, конечно! Но, понимаете, встречать, это одно, а проникнуться...

— Не прониклись, значит, — досадливо качнул головой Игорь Алексеевич и снова, уже как-то прищурившись, посмотрел на меня, словно готовясь ставить на мне крест.

Я начал внутренне, глубоко внутри, раздражаться... Чего он хочет, действительно? Чтобы я сразу заявил: “На всё готов! Жду заданий!” И каблуками прищёлкнуть.

— Понимаете, — опять не очень удачно заговорил я, — идея, конечно, интересная... Благородная точнее... Но вряд ли её получится в жизнь воплотить.

— Почему?

— Не будут люди следовать комплексу... То есть, одни будут пытаться, а другие не будут... И эти первые тоже в итоге не станут.

Бизнесмен вновь прищурился, теперь как-то угрожающе. Сказал тихо, но внятно:

— Чтобы это заявлять, нужны аргументы.

— В природе человека заложено нарушать законы, что-нибудь пытаться украсть, строить козни, ругаться.

— Вы не верите в людей?

— Н-ну... В общем, да.

Игорь Алексеевич тяжело вздохнул:

— У нас было относительно вас другое мнение. Мои советники доказали мне, что вы болеете за людей, и судя по тому, что я о вас читал, это так. А на деле... Извините, что мы вас пригласили. — Он сделал движение подняться, но не поднялся, а спросил, глядя одним глазом в мои глаза, а другим куда-то в висок: — Вы считаете, что человек изначально порочен? Что он уже рождается вором, скандалистом?

— Ну, не все. Не все, конечно... — Я давным-давно ни с кем не спорил на эти темы; споры о человеке остались где-то в юности, на пороге взрослой жизни, а потом стало не до того, и сейчас, получив возможность высказаться, я увлёкся. — Есть предрасположенность, наследственность. И, по сути, ребёнка уже в три года видно... Видно, каким он будет. И если ребёнок в три года ворует, дерётся, ведёт себя плохо, то ничем его не перевоспитаешь...

— Но ведь это фашизм, — перебил Игорь Алексеевич. — Вы что — фашист?

Я вздрогнул, почувствовал, как меня заливают бешенство. Но отозвался внешне спокойно:

— Зачем вы меня оскорбляете?

— Нет, я не оскорбляю — я констатирую. Есть демократы, есть монархисты, есть фашисты... Если вы готовы отбраковывать людей в трёхлетнем возрасте, то как это назвать?

— Я не отбраковываю. Я принимаю людей с недостатками, даже злодеев, как данность. К тому же, — бешенство пригасло, хотелось продолжать разговаривать, сказать что-то такое, что знакомым людям я не скажу, — к тому же, мне такие люди необходимы.

— Для чего?

— А о ком мне писать, если они исчезнут? Литература держится на том, что описывает человеческие пороки.

Бизнесмен совсем невесело засмеялся:

— Отлично! А мы этого не учли!.. М-да, — оборвав смех, произнес серьёзно, — я готов платить сто тысяч долларов, а найти тех, кто бы сформулировал кодекс, создал комплекс, не могу. Что же это такое происходит с людьми?

Сто тысяч долларов вернули меня из болтовни в неблагоприятную реальность. Неблагополучную для меня и моей семьи... Сто тысяч долларов — это больше самой денежной литпремии России, которая мне не светит...

— Что нужно конкретно делать? — спросил я.

— Обосновать, почему человек должен быть честным, поступать справедливо, думать о других, хорошо делать своё дело. — Игорь Алексеевич взял одну из толстых книг. — Вот “Жизненная конвенция”. В неё входят разделы “Безупречная общность”, “Добродетельное соучастие”, “Внутренняя гармония”...

Чёрт меня дёрнул ляпнуть:

— Вот видите, у вас же всё есть.

— Ничего ещё нет! — вскричал бизнесмен и открыл книгу, полистал — несколько сотен страниц были пусты; увидев мой недоуменный взгляд, он объяснил: — Есть архитектура, а наполнения пока нет. Его и предстоит создать...

Я представил себя сидящим над этой книгой и заполняющим белые страницы умными, безупречно умными и абсолютно правильными мыслями. Создаю обоснование для идеальной общности людей, прочитав которое, миллионы индивидов сольются в этой общности... Внутренняя и внешняя гармония...

Меня замутило. То ли от грандиозности труда, то ли от тяжести его. Бывает, пронесёшь слишком тяжёлую сумку, и начинает подташнивать... Так и сейчас.

— Но ведь, — вспомнил я, — есть ведь Новый Завет, десятки учений, в которых уже сказано, как стать правильным.

— Вы о религии? Нет, это не наш путь. Любое религиозное течение по сути своей агрессивно, Иисус Христос на самом-то деле — очень жестокий человек. Он не терпел компромиссов. Призывал разрушать семьи, если кто-то из членов не следует за ним... Мы этого не хотим.

— Извините, но ведь невозможно, чтобы все люди присоединились к вашему комплексу... конвенции, то есть...

— А мы считаем, что это возможно. Впрочем, мы с вами пошли по второму кругу... Что ж, жаль, что вы не верите в наше дело. К сожалению, мы в вас ошиблись. — И Игорь Алексеевич снова хотел подняться.

— Желаю вам успеха в вашем деле, — сказал я с усмешкой, поняв, что разговор окончен.

Бизнесмен дернул головой.

— Не надо так с нами, — в его голосе послышалась угроза.

— В смысле?

— Не надо иронии. Здесь собрались очень серьёзные ребята.

— Да какая ирония...

— Всё, я вас больше не задерживаю.

Я встал и пошёл к дверям. Игорь Алексеевич поднял трубку телефона и стал нажимать кнопки на корпусе. Мне стало страшно: сейчас скажет там кому-нибудь, что я ему, крутому, из “Форбса”, нахамил, велит разобраться. От этих “серьёзных ребят” можно ожидать чего угодно.

Хотел вызвать лифт, но увидел зелёный указатель с бегущим человечком. Спустился по лестнице на два этажа и тогда уж поехал на лифте. Но чувствую, что сейчас меня подхватят под руки и поведут куда-то, усиливалось... Выбежал из здания и, даже не покурив, рванул в торговый центр, чтобы поскорее затеряться...

Убеждал себя, что ничего со мной не сделают, и умом соглашался, а сердце колотилось, ноги дрожали. Пот щипал спину.

— Связался, блин, — шептал я дрожащим голосом. — Сто тысяч долларов... Получай теперь...

Тогда я не мог понять, почему нахожусь в таком состоянии, чего так испугался, до паники. Лишь позже осознал, что это сработала самозащита. За страхом погони я пытался спрятать страх потери такой выгодной работы.

Ну, не сто тысяч, конечно, но за пару тысяч баксов в месяц можно было попытаться чего-то поделать. И хоть я до сих пор не понимаю, чего конкретно от меня хотели, думаю, постепенно разобрался бы, втянулся... А если бы не разобрался, ушёл бы через два-три месяца. Что бы я потерял?

Потерял бы, может быть, время. Да, это самое важное, — время.

Пишущие о жизни, как я заметил, очень боятся в эту самую жизнь всерьёз погружаться. При помощи первой удачной книги человек выныривает из толщи жизни, устраивает рабочее место — письменный стол, удобный стул (первую книгу зачастую пишут на коленке, лихорадочно, в отчаянии) и становятся профессионалом... Какое-то время люди используют багаж личного прошлого, потом — сочиняют, обращаются к истории, некоторые пытаются философствовать, нравоучительствовать... Когда таких людей отры-

вают от их, как они считают, настоящего дела, им это не нравится, их это раздражает, приводит в отчаяние, вызывает протест.

Вот и меня оторвали. Точнее, предложили оторваться на какое-то время. И я ошегинился, запротестовал... Может быть, я бы сам дошёл до идеи писать нечто подобное тому, что предложил мне Игорь Алексеевич. Мой приятель, автор нескольких повестей, не достигнув возраста Христа, издал толстенькую книгу — настоящий трактат под названием “Смягчение нравов” — о том, что власти и оппозиции пора заканчивать враждовать и заняться общим делом: возрождением великой России. Другой знакомый, тоже моложе меня, года два назад выпустил длиннющий, но увлекательный очерк, доказывающий, что человек при социализме во всех отношениях лучше, чем при капитализме... Вообще прозаики всё чаще и дальше уходят в разнообразную публицистику, забывая о прозе. Может, они и правы.

А тут ёрзаешь в своём уголке за шкафом, тупишь, вяло надеясь создать нечто великое. Злишься на жену, которая просит помочь по дому, на требующих внимания детей. На работу идёшь, как на пытку, и там страдаешь от того, что время идёт, а ты не делаешь ничего серьёзного...

Стоит полистать дневники, письма писателей, да вообще так называемых творческих людей, и почти у каждого красной нитью проходит: “...моя жизнь тратится на пустяки, а я ведь предназначен для грандиозного”. У художников даже бриться и мыться не принято: не хотят тратить драгоценные минуты...

И вот я петлял по залам и этажам торгового центра в Москва-Сити, озирался, гадал, кто следит за мной, ожидал, что вот-вот меня схватят, впихнут в туалет или какую-нибудь подсобку, и плакал в душе, горько раскаивался, что клонул на злополучное письмо, приехал, связался... А мог бы сейчас сидеть за письменным столом и писать, писать вдохновенно. Казалось, так вдохновенно, как сейчас, в воспалённом своём воображении, я и не писал...

Оказался перед входом в метро, достал проездную карточку и приложил к кружку на турникете. Дверцы распахнулись, я пошагал к эскалатору. Зло буркнул:

— Ещё и две поездки потратил на ерунду. На бред собачий.
Оглянулся — за мной никто не следовал.

Поехал не домой, а на работу — в редакцию литературного еженедельника.

Сегодня был творческий день, то есть можно было не появляться, а читать или писать рецензии и статьи дома, посещать библиотеки, архивы... Коллектив этим дружно пользовался, устроив себе дополнительный выходной.

В редакции пусто. Только охранник в будке на входе.

Устроился в своём кабинете, достал из записки последнюю тысячу, включил компьютер. Экран старого лучевого монитора защищал глаза... Скоро совсем зрение с ним потеряю... А зачем я его включил? Машинально — сел за стол, значит, надо включить компьютер...

И тут вспомнил о знакомом владельце одного популярного интернет-издания. Он предлагал мне писать колонки. “Что-нибудь актуальное, но не о политике и не о литературе. Гонорар — пятёра”.

Нашел в мобильнике его номер, коротко рассказал о сегодняшней встрече.

— По-моему, интересно, — добавил, — неплохая статейка должна получиться.

— А по-моему, нет, — отозвался владелец. — Мало ли прожектёров всяких. С ума сходят.

— Ну, он крутой бизнесмен. В списке “Форбс”...

— А такого опасно трогать. Подает в суд, и что делать будем? Или внесудебно... Ты же хочешь постебаться, как я понимаю.

— Ну да, вообще-то...

— Давай не будем рисковать. Теперь столько ранимых... Ты меня понимаешь, надеюсь... А так — для тебя двери в моём портале всегда открыты.

— Спасибо...

И я стал писать рассказ. Может, в этом формате прокатит. Не пропадать же материалу.